

О. Б. БУБЕНОК

ОТНОСИТЕЛЬНО УЧАСТИЯ СЛАВЯНСКОГО КОМПОНЕНТА В ФОРМИРОВАНИИ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Исследователями памятников Хазарского каганата неоднократно высказывалась идея, что среди создателей салтовской культуры могли быть славяне. При этом акцентировалось внимание на том, что среди славянского населения Восточной Европы получил распространение обряд кремации. Трупосожжения имели распространение и среди носителей салтовской культуры, и такие памятники были обнаружены в значительном количестве в бассейне Северского Донца, в непосредственной близости от катакомбных могильников салтовского типа. Именно находки трупосожжений салтовской культуры, эталонными для которых являются захоронения из Сухой Гомольши, на территории, где в предхазарский период имели распространение памятники пеньковской культуры, заставили в свое время некоторых исследователей считать Сухогомольшанский и подобные ему комплексы славянскими. Этому мнению способствовали факт распространения трупосожжений среди носителей пеньковской культуры и близость земель, населенных в хазарское время славянскими племенами. Именно версии о связи части салтовских кремаций в бассейне Северского Донца со славянами, носителями пеньковской культуры, придерживались Г.Е. Афанасьев, В.К. Михеев, С.А. Плетнева и некоторые другие исследователи [Афанасьев, 1987, с. 153; Михеев, 1991, с. 44; Плетнева, 1972, с. 108–118].

Казалось бы, в пользу этой гипотезы может свидетельствовать то, что в бассейне Северского Донца на территории Дмитриевского катакомбного могильника, на его южной и юго-восточной окраине, было обнаружено девять погребений, совершенных по обряду кремации. По наблюдениям исследователя памятника С.А. Плетневой, эти захоронения не относились к дохазарскому времени и были не только синхронны катакомбам IX в., но одно захоронение даже перерезало дромос одной из катакомб, т. е. являлось более поздним. Тем не менее, С.А. Плетнева отнесла эти кремации к более ранней, чем салтовская, пеньковской культуре, несмотря на то, что только два горшка биконической формы из этих кремационных захоронений (№№ 1, 5) действительно напоминали пеньковскую посуду [Плетнева, 1972; Плетнева, 1989, с. 259].

В связи с этим имеет резон обратить внимание на то, что в 1977 г. В.К. Михеев исследовал вблизи с. Сухая Гомольша также поселение пеньковской культуры. Особый интерес представляют выводы В.К. Михеева и О.М. Приходнюка в совместной статье,

посвященной данному памятнику. В частности исследователи отметили: “...следует констатировать отсутствие следов контактов между пеньковским и салтовским населением. Несмотря на то, что на поселении Сухая Гомольша существует салтовский культурный слой и раскопаны объекты этой культуры, салтовская керамика практически отсутствует в пеньковских сооружениях. Одиночные салтовские черепки встречаются лишь в верхних слоях заполнений (жилище № 4, яма № 41). Этот факт свидетельствует о одновременности пеньковского и салтовского поселений из Сухой Гомольши” [Михеев, Приходнюк, 1986, с. 81].

Несколько позже В.К. Михеев и В.С. Аксенов в своей монографии “Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.” попытались показать, что трупосожжения из Сухой Гомольши нельзя связывать только с потомками носителей пеньковской культуры. Лишь часть погребений могильника, по их мнению, была оставлена потомками пеньковского и колочинского населения [Аксенов, Михеев, 2006, с. 176–187]. Как видим, происхождение обитателей Сухой Гомольши в хазарское время до сих пор остается предметом острых дискуссий. Поэтому нельзя обойтись без сравнительного анализа кремационных захоронений салтовской культуры из Сухой Гомольши с аналогичными захоронениями предхазарского и хазарского времени на юге Восточной Европы.

Характерной особенностью могильника Сухая Гомольша, которая отличает его от других погребальных комплексов салтовской культуры, является малоизвестный для памятников хазарского времени обряд трупосожжения на стороне. Кроме захоронений, на могильнике было обнаружено 17 поминальных комплексов вещей в так называемых “тайничках”. По способу захоронения остатков кремации все захоронения были разделены на урновые (138) и безурновые (179). Захоронения этих двух типов располагались на территории могильника без определенной закономерности. Безурновые захоронения, которые численно преобладали на могильнике, были совершены в ямах круглой, эллипсовидной, прямоугольной с закругленными углами формы. Эти захоронения были разделены исследователями на четыре вида. Что же касается урновых захоронений, то, в зависимости от положения урны (поставлена вверх дном над остатками кремации или остатки помещены в саму урну), наличия подстилки или крышки и т. п., эти кремации были разделены на восемь типов. В.К. Михеев выделил на могильнике шесть территориальных групп. В результате, исследователи могильника отметили, что существование различных погребальных традиций у населения, оставившего данный могильник, „может являться свидетельством сложности этнокультурной структуры сухогомольшанской общины” [Аксенов, Михеев, 2006, с. 72–92; Михеев, 1986, с. 158–173]. На основании анализа вещевого материала и стратиграфии могильника исследователи датировали локальные группы могильника, функционирование которых находится в хронологических рамках от середины VIII в. до третьей четверти IX в. [Аксенов, Михеев, 2006, с. 93–169]. При этом В.К. Михеев и В.С. Аксенов отметили, что существенной отличительной чертой сухогомольшанских кремационных погребений от славянских является «на-

личие в погребениях предметов вооружения, элементов конского снаряжения, которые находились как среди пережженных человеческих костей, так и в расположенных рядом с погребениями “тайничках». Однако такой инвентарь встречался лишь у части захоронений [Аксенов, Михеев, 2006, с. 181].

Именно такие безурновые захоронения салтовского типа с аналогичным инвентарем были выявлены на Северо-Западном Кавказе. Они имеют общие черты, сближающие их с кремациями Сухогомольшанского могильника. Прежде всего, следует выделить некоторые погребения Борисовского биритуального могильника. Интерес представляют “10 грунтовых ям с сожженными костями (№№ 80, 94, 97, 105, 109–111, 131–133), 7 случаев погребения одних вещей в грунтовой яме (№№ С, 92а, 116, 134, 141, 143 и 144)”. Здесь были обнаружены сабли (погр. №№ 144, 134, 144), наконечники стрел (погр. № 134), стремяна (погр. №№ 134, 144), удила (погр. № 134, 144), железные пряжки (погр. №№ 134, 143), железные щипчики (погр. №№ 105, 134), железные серпы (погр. № 134), железная цепь особой конструкции (погр. № 134) и т. п. В.В. Саханов пришел к выводу, что инвентарь из отмеченной группы захоронений имеет прямые аналогии на Верхнесалтовском могильнике, и датировал кремации Борисовского могильника IX веком [Саханов, 1914, с. 75–219]. Подобную картину наблюдаем на могильнике Дюрсо близ Новороссийска. Там часть погребений относилась к хазарскому времени, и они представляли собой 173 кремации салтовского типа. Это были небольшие кучи пережженных костей, рядом с которыми были сложены предметы, которые несут следы пребывания в огне. Необходимо отметить, что кремации совершались на стороне. При этом оружие, орудия труда, кухонные принадлежности часто приводились в негодность. Исследователь могильника А.В. Дмитриев на основе анализа инвентаря датировал трупосожжения могильника Дюрсо VIII–IX вв. Он же нашел им прямые аналогии на Северском Донце [Дмитриев, 2003, с. 200–205]. Стало быть, кремационные могильники типа Дюрсо на Северо-Западном Кавказе и часть трупосожжений в Сухой Гомольше на Северском Донце могли оставить близкородственные группы населения, не имеющие отношения к славянам.

Однако именно такие безурновые кремации в Сухой Гомольше представляли собой лишь часть захоронений. Нет подобных кремационных захоронений на Дмитриевском могильнике хазарского времени. Материалы Сухогомольшанского могильника показали, что сосуды из кремационных захоронений № 2, 3, 4, 7, 8 Дмитриевского могильника (рис. 1, 1–5) по форме и пропорциям вполне сопоставимы с некоторыми лепными кухонными сосудами из захоронений могильника Сухая Гомольша (№ 51, 70, 82, 129, 138, 169, 185, 235 и др.) (рис. 1, 6–15). Сухогомольшанские сосуды от дмитриевских отличаются в некоторых случаях только типичным салтовским орнаментом – прочерченные линии по тулову, выполненные при помощи зубчатого штампа. В то же время большинство лепных сосудов из кремаций Дмитриевского и Сухогомольшанского могильников находят почти полные аналогии в коллекции лепных сосудов Пастырского городища

(рис. 1, 16–22), датируемых серединой / последней четвертью VII в. – серединой VIII в. [Приходнюк, 2005, рис. 75: 1, 2; 76; 78; 80: 1; 81: 2].

Если сравнить глиняные сосуды с территории Сухогомольшанского могильника с аналогичной посудой с территории Пастырского городища, то заметим немало общего не только в форме (рис. 1), но и в технологии их изготовления. По данным, В.К. Михеева и В.С. Аксенова, основную группу сосудов с территории могильника представляет кухонная керамика, вылепленная от руки, но “подправленная на гончарном круге”. Было выделено шесть типов такой керамики: А – горшки с яйцевидным туловом, плоским дном и слабо отогнутым наружу венчиком; Б – горшки с широким дном, по-форме напоминающие цилиндр; В – сосуды с округлым, приземистым туловом, небольшим плоским дном и слабо отогнутым наружу венчиком; Г – сосуды с округлым, слегка вытянутым туловом, небольшим плоским дном и слабо отогнутым наружу венчиком; Д – кухонные горшки со слабо отогнутым наружу венчиком, округлым или яйцевидным туловом, переходящем в невысокую, подцилиндрическую придонную часть. Необходимо отметить, что на Сухогомольшанском могильнике встречались и другие типы керамических изделий, но они были полностью изготовлены на гончарном круге и представляли собой в ряде случаев типичную салтовскую посуду [Аксенов, Михеев, 2006, с. 150–158, 290–295].

Аналогичную картину дает и анализ керамики с территории Пастырского городища. По наблюдения О.М. Приходнюка, “Пастырскому городищу присуща неординарная глиняная посуда, представленная лепными и гончарными изделиями” [Приходнюк, 2005, с. 60]. При этом исследователь отметил наличие на Пастырском городище грубой ассиметричной кухонной посуды, изготовленной, по его мнению, при помощи гончарного круга, но при медленном его вращении [Приходнюк, 2005, с. 66]. Это грубая посуда, изготовленная как вручную, так и при участии гончарного круга, была разделена О.М. Приходнюком на несколько групп [Приходнюк, 2005, с. 60–63]. Сравнительный анализ лепной керамики с Пастырского городища показал почти полную ее идентичность многим изделиям из Сухой Гомольши (рис. 1) [Приходнюк, 2005, с. 179–187 (рис. 75–84)].

В свою очередь О.М. Приходнюк нашел прообраз этой пастырской керамики на памятниках Нижнего Подунавья и Балканского полуострова. Особенно он выделил “славянские” могильники на Северо-Востоке Болгарии, где встречалась аналогичная керамика, изготовленная как на гончарном круге, так и вручную. Это хорошо известные кремационные могильники Гарван, Юпер и Бабово, где встречались как безурновые, так и урновые кремационные захоронения. На основании этого, О.М. Приходнюк сделал вывод, что у славян “Балканского полуострова урнами были лепные, примитивно-гончарные и гончарные кухонные горшки, а также столовая посуда с лощеной поверхностью” [Приходнюк, 2005, с. 67–68]. К сожалению, у нас пока нет никаких данных о могильнике, который мог бы иметь прямое отношение к жителям Пастырского городища. Однако выводы, полученные О.М. Приходнюком при сравнении материалов Пастырского городища с культурой придунайских славян, по-

звolyают предполагать, что жителями Пастырского городища могли быть оставлены кремации, находящие аналогии не только на Балканах, но и на некоторых салтовских памятниках в бассейне Северского Донца.

Относительно происхождения памятников пастырского типа О.М. Приходнюк сделал вывод: “Не вызывает сомнений, что большинство археологических материалов, происходящих из Пастырского берут начало в материальной культуре Балканского полуострова и Подунавья. Это были не косвенные заимствования художественных стилей и передовых технологий славянским населением. Концентрация производства и высокий профессионализм гончаров, кузнецов и ювелиров Пастырского указывают, что ремесленные навыки они принесли в Приднепровье из Подунавья” [Приходнюк, 2005, с. 97–98]. Стало быть, часть обитателей Сухой Гомольши в хазарское время были генетически связаны с обитателями Пастырского городища, представлявших собой славян-репатриантов с берегов Нижнего Дуная в Среднее Поднепровье.

У нас нет оснований говорить о том, что в бассейне Северского Донца в Сухой Гомольше в хазарское время жило население, которое продолжало заниматься изготовлением ювелирных изделий пастырского типа. Однако сравнение ряда железных изделий из Сухой Гомольши с изделиями кузнецов Пастырского городища позволило выявить определенную преемственность. Так, обнаруживается сходство в форме тесел (рис. 2) из Сухой Гомольши и Пастырского городища [Аксенов, Михеев, 2006, с. 221 (рис. 19, 6), 243 (рис. 41, 10), 239 (рис. 57, 9); Приходнюк, 2005, с. 125 (рис. 19, 5)] и некоторых серпов [Аксенов, Михеев, 2006, с. 250 (рис. 57), 287 (рис. 85, 1–3); Приходнюк, 2005, с. 126 (рис. 20, 1–5)], а также заметно сходство в форме черешковых наконечников стрел (рис. 3) [Аксенов, Михеев, 2006, с. 265 (рис. 63, 1–5); Приходнюк, 2005, с. 135 (рис. 29, 1–14)] и наконечников копий [Аксенов, Михеев, 2006, с. 265 (рис. 63, 17); Приходнюк, 2005, с. 133 (рис. 27, 3–6)]. Таким образом, видим определенную связь между некоторыми памятниками пастырского и салтовского типа.

По определению О.М. Приходнюка, жители Пастырского городища представляли собой славян, переселившихся во второй половине VII в. из Нижнего Подунавья под давлением болгарского хана Аспаруха. И поэтому они были носителями провинциально-византийской культуры, и для них был характерен довольно высокий уровень развития ремесел. О.М. Приходнюк считал, что “Пастырское городище разгромили и разграбили хазары”, и это должно было иметь место во второй половине VIII в. [Приходнюк, 2005, с. 98]. При этом дальнейшая судьба этого населения казалась неизвестной. Однако вспомним пример с монголами, которые после захвата городов отделяли ремесленников от остального населения и уводили их вглубь своей империи для заселения новых городских центров. Так же могли поступить хазары и их вассалы-аланы. Стало быть, в Сухой Гомольше проживали ремесленники-славяне, производившие изделия из металла для заказчиков, но продолжавшие изготавливать простую кухонную керамику для личных нужд.

Таким образом, в Сухой Гомольше и на некоторых соседних памятниках салтовской культуры видим две различные по происхождению группы населения, среди которых получил распространение обряд кремации. Относительно этнокультурной атрибуции первого компонента существует проблема. С этим населением, скорее всего, следует связывать ту часть салтовских кремаций, для которых характерно присутствие рядом с могильными ямами «тайничков» и, возможно, кремации в ямах вытянутых очертаний, ориентированных по линии Восток-Запад. Эти погребения отличает от других салтовских захоронений по обряду трупосожжения и состав погребального инвентаря, в котором значительное место отводится предметам вооружения, конскому снаряжению, а также наличие складных серпов, железных пинцетов, железных котлов, вилок для доставания мяса из котла, шампуров [Аксенов, Михеев, 2006, с. 145]. Таких погребений среди салтовских кремаций бассейна Северского Донца не так уж и много, но они такие же, как на Северо-Западном Кавказе на могильниках хазарского времени (Борисовском и Дюрсо). Вторым этническим компонентом среди населения Сухой Гомольши и близких к нему территориально групп населения бассейна Северского Донца могли быть славяне балканского происхождения из Среднего Поднепровья, о чем может свидетельствовать близость ряда керамических и железных предметов из Сухой Гомольши, а также из кремаций Дмитриевского могильника, с посудой и изделиями из металла с территории Пастырского городища.

В связи с этим для обоснования предложенной гипотезы имеет резон привлечь материалы из известных кремационных могильников на Балканах в местах расселения славян в раннее Средневековье, где встречались как безурновые, так и урновые кремационные захоронения. Исходя из данных Ж. Въжаровой [Въжарова, 1976, с. 10–75], можем отметить, что наибольшее сходство с керамическими изделиями из Пастырского городища конца VII – начала VIII вв. и, соответственно, с кремационными урнами на таких салтовских могильниках конца VIII – начала X вв., как Сухая Гомольша и Дмитриевский, имеют урны для трупосожжений с территории могильников Гарван-1 и Юпер на славянских землях Балкан, датируемые VI–VII вв. (рис. 1, 23–31). Однако на одном лишь внешнем сходстве керамики пока преждевременно делать какие-либо предположения об участии потомков нижнедунайских славян в создании салтовской культуры. Отметим, что, прежде всего, необходим сравнительный анализ структуры керамики как на салтовских территориях, так и на землях славян в Среднем Поднепровье и Нижнем Подунавье. Не исключено, что мы имеем дело лишь с внешним сходством, а не с технологией изготовления, передающейся от одного поколения к другому.

Интерес могут также представлять изделия предхазарского времени с северянских территорий в левобережной части Среднего Поднепровья. В этой связи следует вспомнить мнение некоторых историков и лингвистов относительно того, что проживавшее на левом берегу Нижнего Дуная племя северян имело непосредственное отношение к северянам левобережного Среднего Поднепровья. Существует даже

мнение, что в древнерусском языке термин “северный” означал в первую очередь – “левый”, “находящийся на левом берегу” [Трубачев, 1993; Сухобоков, 2004, с. 163]. Для нас особый интерес может представлять предположение О.В. Сухобокова относительно последствий появления орд хана Аспаруха на землях придунайских северян во второй половине VII в.: “Не исключено, что определенная часть северян, не имея возможности терпеть гнет со стороны новых пришельцев, вернулась на прадедовские земли – Левобережную Украину” [Сухобоков, 2004, с. 163].

В качестве подтверждения этого можно привести находку керамики пастырского типа (рис. 4) на поселении Александровка I, находящегося в бассейне Десны на Черниговщине. Это находка позволила исследователям памятника Р.В. Терпиловскому и О.В. Шекуну датировать слой Александровки I, где была обнаружена пастырская керамика, первой половиной VIII в. Они считают, что в это время на территорию Левобережья переселялись отдельные группы правобережного населения. В целом они представляют данные процессы следующим образом: „Расселившись на просторах Левобережья, сахновско-волынцевские племена вошли в контакт с местными славянскими группами (носителями колочинской и пеньковской культур) и с алаано-болгарским населением, на что указывает, прежде всего, находка характерного гончарного горшка пастырского типа из Александровки I, а также фрагмент подобной посуды из Роища. С течением времени на этой смешанной основе формируется собственно волынцевская культура, возникает местное производство гончарной посуды, наиболее известным из центров которого становится городище Битица на Псле” [Терпиловский, Шекун, 1996, с. 42, 44, 98].

Однако керамика волынцевского типа не имеет ничего общего с посудой с Пастырского городища, ни тем более с керамикой из Нижнего Подунавья. Исходя из данных О.В. Сухобокова, имеем следующую картину: „Гончарная керамика представлена корчагообразными сосудами приземистых пропорций, с широкой горловиной, высоким вертикальным венчиком ... Корчагообразные сосуды изготавливались из хорошо промешанной глины с примесью песка в тесте. Их гладкая поверхность черного или темно-коричневого цвета орнаментировалась комбинациями лощеных и врезных волнистых или горизонтальных линий” [Сухобоков, 1975, с. 52–56].

Как видим, керамика пастырского типа довольно редка на Левобережье Среднего Поднепровья, что свидетельствует о различном характере процессов этнического и культурного характера, происходивших в предхазарский период на обоих берегах Днепра. Хотя имеются другие археологические подтверждения миграции населения из Нижнего Подунавья на лесостепное днепровское Левобережье. Вот как представлял ситуацию О.В. Сухобоков: «... вероятно, что отдельные тюркские этнические единицы отступили в лесостепь левого берега Днепра на рубеже VII и VIII вв., куда в то же время вернулись и дунайские северяне – потомки левобережных славян, которые подверглись давлению со стороны аспаруховых болгар. Именно последние и принесли с собою украшения типа Фотовизского и Хариевского кладов, о чем свидетельствуют черты их дунайского (провинциально-византийского) производства,

как это было доказано работами А.И. Айбабина и О.М. Приходнюка. Упомянутые выше болгары, которые отселились в левобережную лесостепь, расселились небольшими компактными группами среди славян северянского племенного союза, ощутившим также давление со стороны Хазарского каганата, с течением времени стали своеобразным консолидирующим элементом в славянской среде Левобережной Украины, создав упомянутый союз племен, известный в письменных источниках как Север, Северяне „Повести временных лет”. ... Такой гипотетически обозначенный обзор исторических событий находит подтверждение в довольно осязаемом проявлении инокультурного (или иноэтнического) импульса на волынцевском этапе волынцевско-роменской археологической культуры (ВРАК), распространенной именно на днепровском Левобережье, которая, по мнению многих исследователей, является археологическим эквивалентом племен северянского союза (Д. Березовец, П. Третьяков, В. Седов, О. Сухобоков, А. Винников и др.). Этот инокультурный элемент зафиксирован уже на позднепеньковских (рубеж VII и VIII вв.) памятниках бассейна Северского Донца, как это доказывает харьковский археолог М. Любичев...» [Сухобоков, 2004, с. 163].

Совершенная иная ситуация сложилась на Правобережье, т. е. там, где функционировало в предхазарский период Пастырское городище. О.М. Приходнюк представлял обстоятельства его основания следующим образом: «Анализ исторических и археологических источников заставляет констатировать, что Пастырское городище не могло быть центром славянской округи или племенным центром. Расположение Пастырского на рубеже со степью, на территории, еще не освоенной славянами, указывает на то, что пришельцы не сумели укорениться среди местного славянского населения и были вынуждены поселиться на свободных, но опасных, принимая во внимание соседство с кочевниками, землях» [Приходнюк, 2005, с. 98].

Именно эта обособленность жителей Пастырского городища, в отличие от репатриантов-северян, позволила им накануне хазарского вторжения сохранить многие черты своей прежней культуры, истоки которой следует искать на славянских территориях в Нижнем Подунавье. Являясь носителями провинциально-византийской культуры, жители Пастырского городища, несомненно, представляли большой интерес для завоевателей-хазар, ибо являлись высокоразвитыми для того времени ремесленниками. Что и предопределило их дальнейшее насильственное переселение из Среднего Поднепровья в бассейн Северского Донца. Этим то и можно объяснить довольно быстрый рост экономики в субрегионе уже на ранних этапах существования салтовской культуры. В то же время новые обитатели северо-западных окраин Хазарского каганата продолжали придерживаться прежних погребальных традиций, что и объясняет довольно широкое распространение в конце VIII – начале X вв. в лесостепной части бассейна Северского Донца погребальных урн для кремаций, находящих свои аналогии не только среди керамики Пастырского городища, но и на раннесредневековых могильниках Нижнего Подунавья.

ЛИТЕРАТУРА

- Аксенов, В. С., Михеев В. К.* Население Хазарского каганата в памятниках истории и культуры. “Сухогомольшанский могильник VIII–X вв.” // Хазарский альманах. Т. 5. К.–Харьков, 2006.
- Армарчук Е.А., Дмитриев А.В.* Памятники Северо-Восточного Причерноморья X–XIII веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003.
- Афанасьев Г. Е.* Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Вып. 2. М., 1987.
- Афанасьев Г. Е.* Где же археологические свидетельства существования Хазарского государства? // Российская археология. 2001. № 2.
- Гавритухин И. О., Пьянков А. В.* Древности и памятники VIII–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003.
- Въжарова Ж.* Славяни и прабългари (по данин на некрополите от VI–XI в. на територията на България). София, 1976.
- Дмитриев А. В.* Могильник Дюрсо – эталонный памятник древностей V–IX веков // Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья. IV–XIII вв. М., 2003.
- Михеев В. К.* Коньковые подвески из могильника Сухая Гомольша // СА. 1982. № 2.
- Михеев В. К.* Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.
- Михеев В. К.* Сухогомольшанский могильник // СА. 1986. № 3.
- Міхєєв В.К., Приходнюк О. М.* Пеньківське поселення на Сівєрському Дінці // Археологія. Т. 54. К., 1986.
- Михеев В. К.* Сухогомольшанский могильник // СА. 1990. № 3.
- Плетнева С. А.* От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 142.
- Плетнева С. А.* Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. М., 1972.
- Плетнева С. А.* На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. М., 1989.
- Приходнюк О.М.* Пастирське городище. К.–Чернівці, 2005.
- Пьянков А. В., Тарабанов В. А.* Кремационные погребения Кубани и Подонья салтовского времени: единство происхождения или случайное сходство // Проблемы археологии и истории Боспора. К 170-летию Керченского музея древностей. Тезисы докладов юбилейной конференции. 25–27 июля 1996 г. Керчь, 1996.
- Пьянков А. В.* Касоги/касахи/кашаки письменных источников и археологические реалии Северо-Западного Кавказа // Материалы и исследования по археологии Кубани. Вып. 1. Краснодар, 2001.
- Саханев В. Б.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911–1912 гг. // Известия Археологической комиссии. Т. 56. М., 1914.
- Сухобоков О. В.* Славяне Днепровского Левобережья (Роменская культура и её предшественники). Киев, 1975.
- Сухобоков О. В.* Дніпровське лісостепове Лівобережжя у VIII–XIII ст. (за матеріалами археологічних досліджень). Київ, 1992.
- Сухобоков О. В.* Тюркомовні народи в історії населення лівобережно-дніпровських лісостепів України (археологічний аспект) // Хазарский альманах. Т. 3. К.–Харьков, 2004.
- Терпиловський Р. В., Шекун О. В.* Олександрівка I – Багатошарове слов'янське поселення біля Чернігова. Чернігів, 1996.
- Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян // Славянская археология, этногенез, расселение и духовная культура. М., 1993.

О. Б. Бубенок

ЩОДО УЧАСТІ СЛОВ'ЯНСЬКОГО КОМПОНЕНТУ
В ФОРМУВАННІ САЛТІВСЬКОЇ КУЛЬТУРИ

Резюме

Статтю присвячено обставинам появи у басейні Сіверського Дінця урнових кремаційних поховань салтівського типу, серед яких особливо слід виділити частину трупоспалень салтівського могильника в Сухій Гомольші. Порівняльний аналіз урн із Сухой Гомольші з аналогічними керамічними виробами на сусідніх територіях дозволив дійти висновку, що найближчі аналогії можна знайти на території Пастирського городища. За даними О.М. Приходнюка, жителі Пастирського городища були високорозвиненими слов'янами-ремесниками, які повернулися в другій половині VII ст. під тиском болгар Аспаруха з Нижнього Подунав'я до Середнього Подніпров'я. Саме їхній високий рівень володіння ремеслами і зумовив насильницьке переселення їх хазарами з Середнього Подніпров'я до басейну Сіверського Дінця, де вони і стали одними із творців салтівської культури.

О. Б. Бубенок

ОТНОСИТЕЛЬНО УЧАСТИЯ СЛАВЯНСКОГО КОМПОНЕНТА
В ФОРМИРОВАНИИ САЛТОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Резюме

Статья посвящена обстоятельствам появления в бассейне Северского Донца урновых кремационных захоронений салтовского типа, среди которых особо следует выделить часть трупосожжений салтовского могильника в Сухой Гомольше. Сравнительный анализ урн из Сухой Гомольши с аналогичными керамическими изделиями на соседних территориях позволил прийти к выводу, что ближайšie аналогии можно найти на территории Пастырского городища. По данным О.М. Приходнюка, жители Пастырского городища представляли собой высокоразвитых славян-ремесленников, вернувшихся во второй половине VII в. под давлением болгар Аспаруха из Нижнего Подунавья в Среднее Поднепровье. Именно их высокий уровень владения ремеслами и предопределил насильственное переселение их хазарами из Среднего Поднепровья в бассейн Северского Донца, где они и стали одними из творцов салтовской культуры.

O. B. Bubenok

CONCERNING THE PARTICIPATION OF THE SLAVIC COMPONENT
IN FORMING OF THE SALTOV CULTURE

Summary

This article is dedicated to the circumstances of appearance of the urns for cremation of Saltov type in the Siversky Donets basin, among that it is especially necessary to distinguish part cremation of Saltov type on the burial ground in Sukhaya Gomolsha. The comparative analysis of urns from Sukhaya Gomolsha with analogical ceramic wares on the nearby territories allowed to come to the conclusion that the nearest analogies can be found on the territory of Pastyrskoye gorodische. According to the data of O.M. Prykhodnuk, the habitants of Pastyrskoye gorodische were the highly developed slavs-artisans, who going back under a constraint of Asparukh's Bulgarians from the Lower Danub to the Middle Dnieper in the second half of VII century AD. Exactly their high level of possession handicrafts predetermined their violent migration by the Khazars from the Middle Dnieper to the Siversky Donets basin where they became one of creators of the Saltov culture.

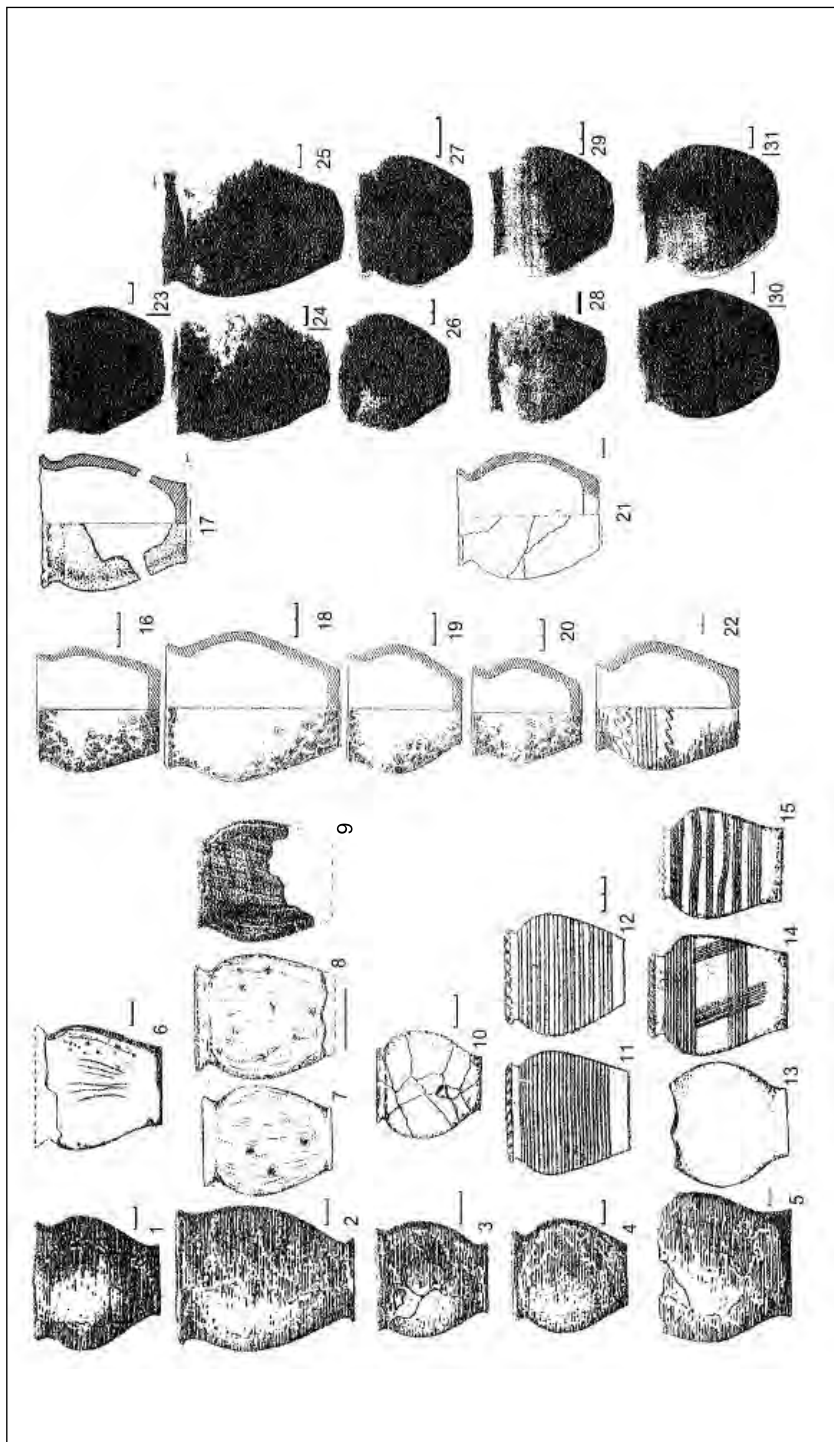


Рис. 1. Керамика из кремационных захоронений Дмитриевского (по данным С.А. Плетневой) и Сухогомольшанского (по данным В.К. Михеева и В.С. Аксенова) могильников с территории Пастырского городища (по данным О.М. Приходнока) и нижнедунайских раннесредневековых кремационных могильников (по данным Ж. Вьжаровой):

1-5 – сосуды из кремаций Дмитриевского могильника (1 – погр. № 2; 2 – погр. № 3; 3 – погр. № 4; 4 – погр. № 6; 5 – погр. № 7; 6-15 – сосуды из кремаций Сухогомольшанского могильника (6 – погр. № 70; 7 – погр. № 80; 8 – погр. № 185; 9 – погр. № 82; 10 – погр. № 235; 11 – погр. № 129; 12 – погр. № 138; 13 – погр. № 51; 14 – погр. № 167; 15 – погр. № 104; 16-22 – керамика с территории Пастырского городища; 24-26, 28 – Гарван-1; 23, 27, 29-31 – Юлер (23 – погр. № 20; 27 – погр. № 13; 29 – погр. № 14; 30 – погр. № 15; 31 – погр. № 7).

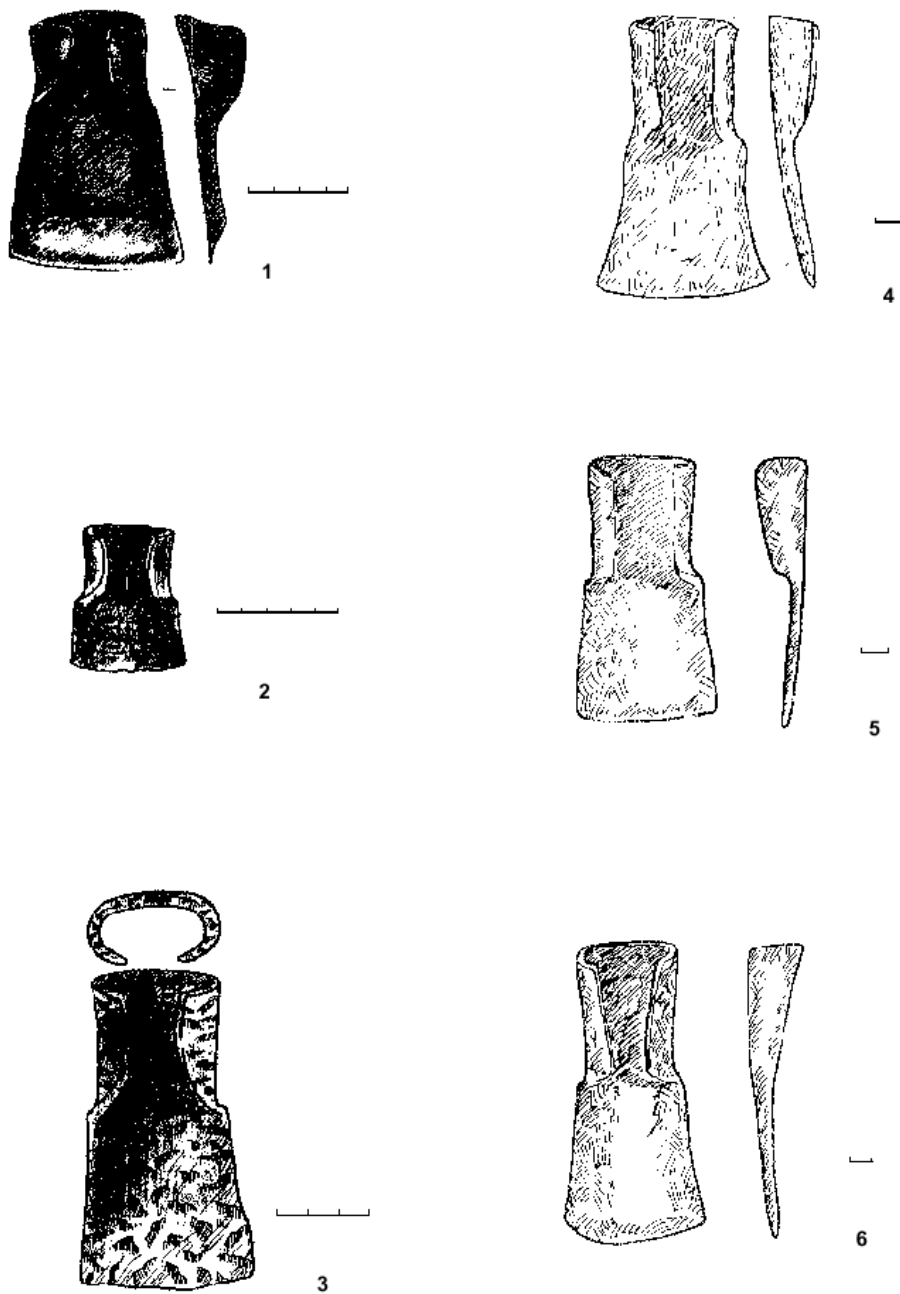


Рис. 2. Тесла из Сухой Гомольши и Пастырского городища
(по данным В.К. Михеева, В.С. Аксенова и О.М. Приходнюка):

1–3 – Сухая Гомольша (1 – комплексе V; 2 – комплексе XII; 3 – погр. № 175); 4–6 – Пастырское городище.

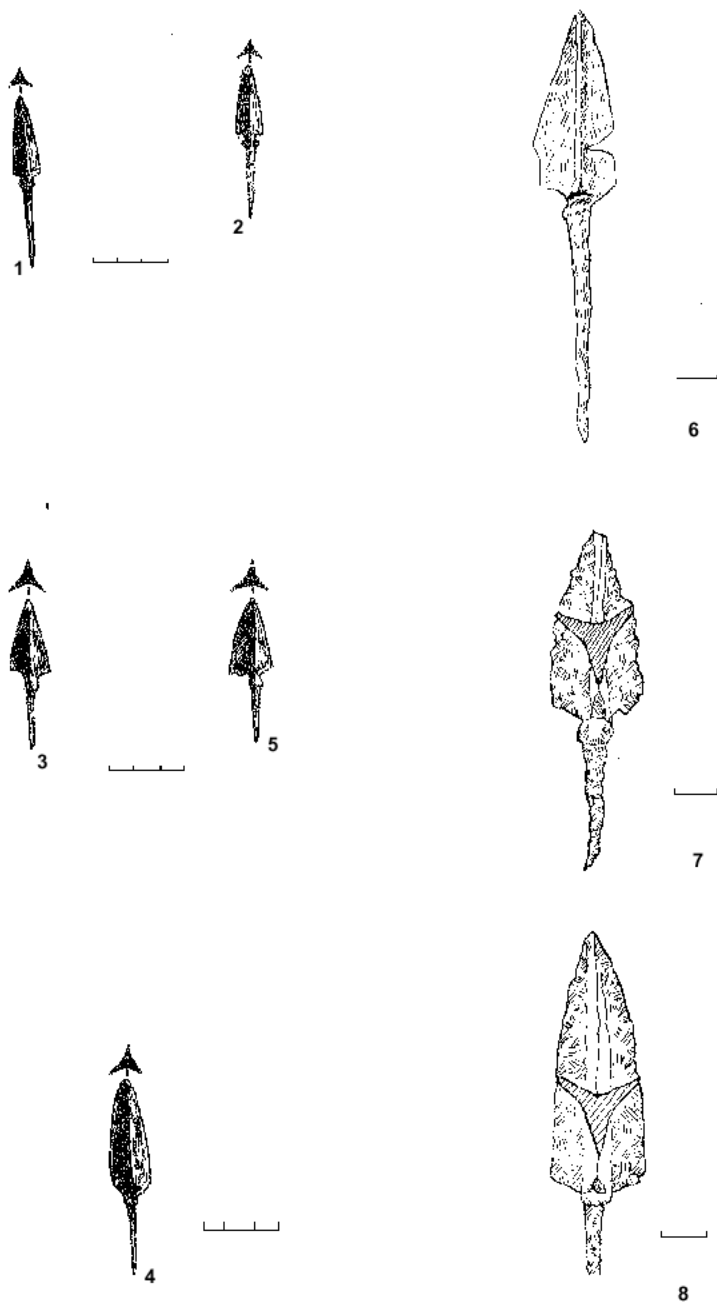


Рис. 3. Черешковые наконечники стрел из Сухой Гомольши и Пастырского городища (по данным В.К. Михеева, В.С. Аксенова и О.М. Приходнюка):
1–5 – Сухая Гомольша (погр. № 252); 6–8 – Пастырское городище.

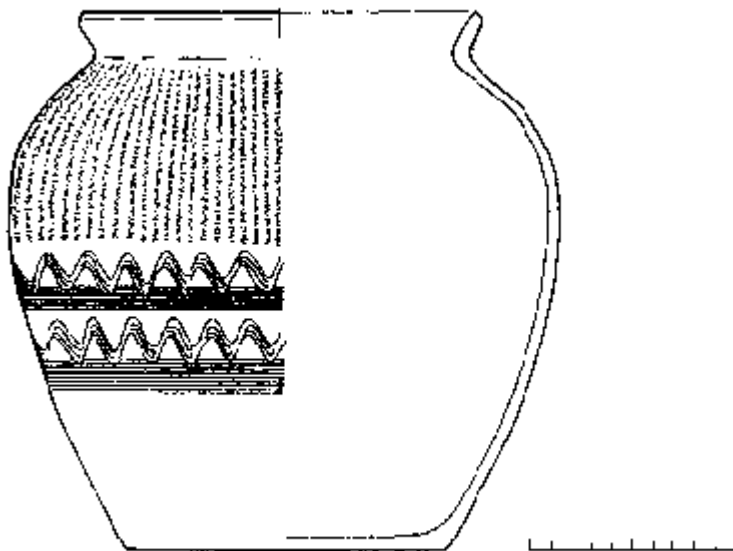


Рис. 4. Керамика пастырского типа из поселения Александровка I на Черниговщине (по данным Р.В. Терпиловского и О.В. Шекуна).